

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

САМОХОДЧИКИ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Сборник
Самоходчики

«Яуза»

2019

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Сборник

Самоходчики / Сборник — «Яуза», 2019 — (Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-6040916-7-8

Великую Отечественную войну Красная Армия встретила, не имея на вооружении самоходных артиллеристских установок. Но уже в конце июля 1941 г. в части стали поступать первые самоходки ЗиС-30, которых, однако, было выпущено всего 100 штук. В конце 1942 г. Красная Армия получила первые штурмовые САУ – СУ-122, а в 1943 г. в части стала поступать легкая самоходка СУ-76. Всего же на фронтах Великой Отечественной войны воевало более 25 000 самоходных артиллеристских установок, покрывших себя неувядаемой славой. О нелегкой службе самоходок рассказывают герои новой книги проекта «Я помню» (<http://iremeber.ru>) – ветераны-самоходчики.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-6040916-7-8

© Сборник, 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Кирячек Дмитрий Тимофеевич	5
Федюнин Иван Васильевич	11
Крысов Василий Семенович	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

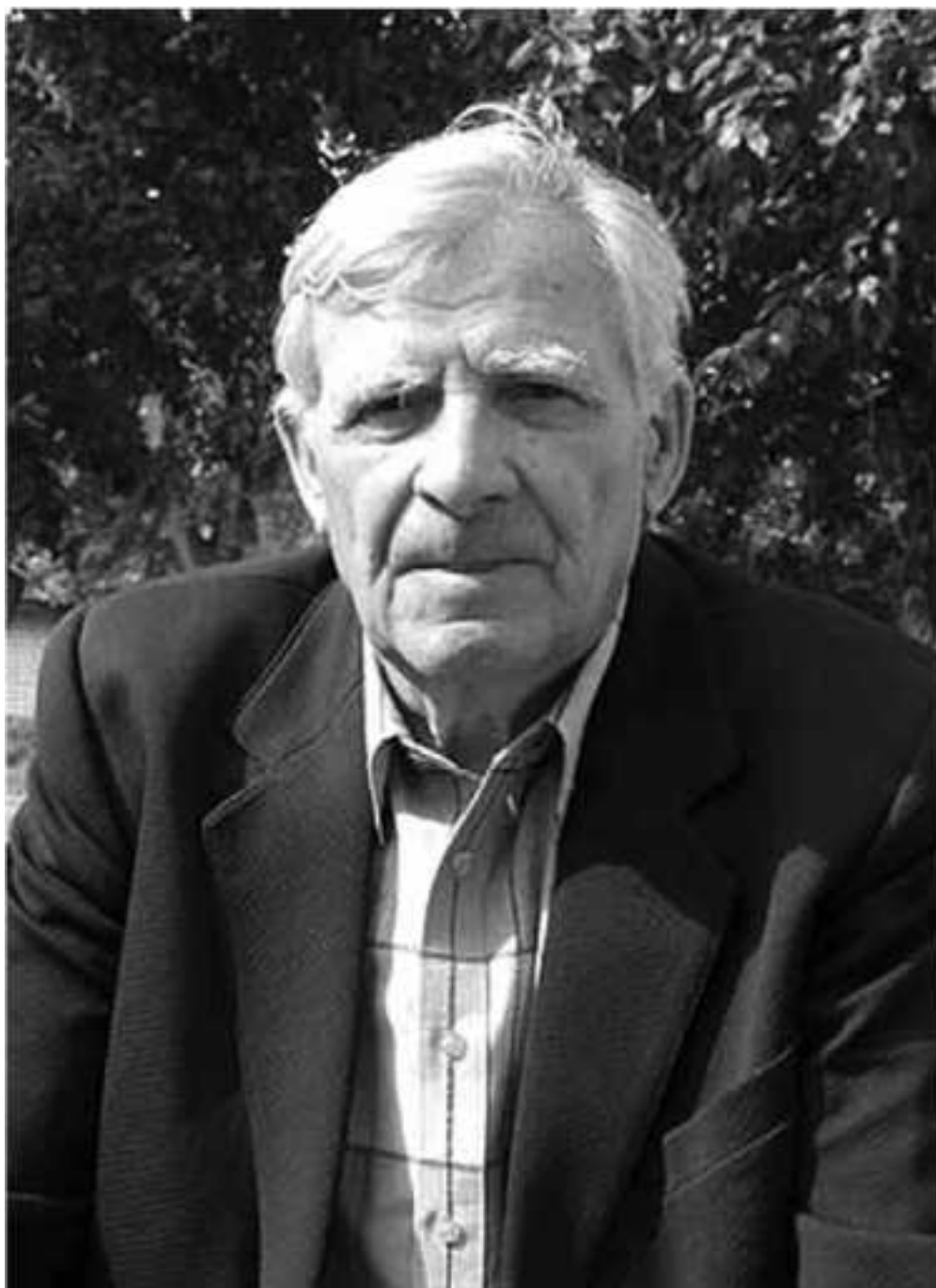
Самоходчики

Проект Артема Драбкина

Кирячек Дмитрий Тимофеевич

Как для Вас началась война?

Как раз перед войной я закончил 7 классов в школе. Как и все остальные мальчишки мечтал о чем-то. Вспоминаю, что читал всякую литературу и решил стать водолазом (смеется). В Дзержинске водолазной школы не было и мне посоветовали идти в ОСВОД. Пошел к начальнику, а он мне говорит, ты сначала матросом поработай, а потом зимой мы тебя пошлем на курсы. Проработал я там всё лето, а зимой меня послали на курсы водолазов в Горький, в управление Верхневолжского пароходства. Зимой я там проучился, а весной сдал экзамены и прошёл практику. В 3 часа дня я сдал экзамены, а в 5 часов у меня уже была повестка. В тот же день я уже сидел в эшелоне, даже домой не дали съездить. Сказали, что так надо— вот и весь разговор. Это был 41-й год.

Кирячек Дмитрий Тимофеевич

В дороге мы всё думали, куда же нас везут? Весь эшелон был исключительно из водников. Все мы были зеленые юнцы, ничего не могли, даже не знали как винтовку держать. А повезли нас на восток, в противоположную от фронта сторону. Доехали до Читы. Куда теперь? Нам говорят: вот тут будет полустанок, если по этой ветке поедете прямо, значит во Владивосток, а если направо то куда-нибудь в другую сторону. На полустанке вагоны пошли вправо, так мы приехали на станцию Отпор. Тут нас сразу определили в 386-й учебный запасной полк и обмундировали кое-как. В этом полку мы пробыли до присяги. Пришлось служить нам там очень тяжело. Я, например, стрелять умел – еще в школе ходил на курсы Ворошиловских стрелков. А некоторые из нас даже и не знали, как правильно винтовку держать нужно. На фронте в это время была сложная обстановка. Немцы подошли к Сталинграду и поговаривали, что после падения Сталинграда на нас нападут японцы. Каждую ночь нам давали лопату в руки

и заставляли копать траншеи. Дают тебе норму – вот эти два метра выкопать. Вообще там, в Забайкалье, грунт такой скалистый, что без кирки ничего и не сделаешь. Лопатой ковыряешь, ковыряешь, а толку от этого мало. За всю ночь один метр траншеи выроешь, а потом её ещё и замаскировать нужно. Если ты свою норму не выполнял, то норма оставалась и еще добавляли два метра. Мы всегда были в долгах. (Смеется.)

После принятия присяги нас начали из полка выдергивать. Попадали кто куда, но правда по собственному желанию. Ко мне подошел лейтенант, спрашивает: в танковую школу хочешь идти? Как сейчас помню, лейтенант Сорока его фамилия. Щеголь он был настоящий, одет с иголочки, даже ходил по струнке. Я подумал, пойду, все-таки буду с техникой связан и дал согласие. Пошли мы в новую часть, время было к завтраку. Лейтенант говорит: не будем завтракать, три сопки пройдем, а там уже наша часть. Прошли по жару одну сопку, вторую, и так дальше. Дорога оказалась длинной, к 5 часам вечера мы не прошли и половины. В полк пришли уставшие, как зюзи. Для начала нас распределили в учебном полку. Я сразу попал в экипаж, где первым делом стал изучать матчасть.

На каких танках Вы учились?

Были танки БТ-5 и БТ-7. Заряжающему в этих танках всегда надо было стоять. Я в то время был крепкого телосложения, и меня поэтому определили в экипаж заряжающим. Хотя по-настоящему быть заряжающим на этих танках мне не пришлось. Мы на них доехали только от училища, до Челябинска, а потом у нас их отобрали.

В чем заключалось обучение заряжающего?

Нам показывали, как что в танке надо делать. Была тренировка на стрельбу двумя видами снарядов: осколочно-фугасными и бронебойными— вот и вся наука. Одновременно с ролью заряжающего, я был первым заместителем механика-водителя. Всё свободное время, если он что-то делал, то и я работал с ним.

По окончании этой школы мне присвоили звание сержанта. К тому времени машин у нас не было. Посадили нас всех в эшелон, одели в обмундирование всё новое и отправили за машинами. Доехали мы до Челябинска, всех высадили и отправили в 13-й танковый учебный полк. В это время только начали выпускать самоходки СУ-152. Пришлось некоторое время переучиваться на новые машины, а звания при этом у нас остались какие мы уже получили. К тому времени приехали фронтовики, разбили нас поэкипажно по пять человек и организовав маршевые роты послали на завод получать машины. Приехали мы туда, получили самоходки, погрузились и повезли их на фронт. Приехали под Москву, в Пушкино, а там как раз проходила тренировка 43-й Гвардейской дивизии. У нас машины отобрали, у кого не хватало специалистов пополнили из наших рядов, а остальных обратно в Челябинск за машинами. Когда мы второй раз получали машины наши уже освободили Белоруссию. Нам, Гвардейскому 43-му Днепровскому орденов Кутузова и Суворова, Кантемировскому тяжелосамоходному артиллерийскому полку досталось идти от границы Белоруссии до Калининграда. В боях мы участвовали с границ Кенигсберга, это уже пошел 44-й год. По сути, воевали мы только 6 месяцев: с декабря и до мая.

Пока мы дошли до Кенигсберга от полка осталось только 2 машины: штабная машина командира полка, и зам. командира полка по политчасти. Остальные машины или сгорели, или были подбиты, или потонули в болоте.

Вас после этого зачислили в резерв полка?

Нет, нас использовали как танковый десант. Под Кенигсбергом нам дали участок для обстрела. Сам Кенигсберг был обнесен фактически рвом, защищался он 12 фортами, как крепость. Нашей целью был 12-й форт. Помню, он был сделан из красного кирпича, артиллерий-

ские амбразуры были зарыты метра на два в землю. Сверху форты были бетонированы, над бетоном были слои песка и грунта и снарядам эти все слои было не пробить. Сверху на грунте были посажены деревья, так, что и не видно было где эти форты вообще. Перед фортами находились заполненные водой рвы. Промежутки между фортами простреливались. При начале штурма артиллерия и авиация три дня били по этим укреплениям и только на четвёртый день пошла пехота. Первым брали 5-й форт. Ночью небольшая группа саперов переправилась на другую сторону и забралась во дворик форта, в котором стояли миномёты. Этих миномётчиков сапёры перестреляли, кое-где заложили взрывные заряды. Вообще эти форта взяли быстро, как будто их не было. Что мне непонятно до сих пор: в Кенигсберге был Королевский замок, не очень высокое, красивое здание. Так нам по нему не велели стрелять. Куда хочешь туда и стреляй, а по нему – запрещено. А когда война уже кончилась, кажется при Хрущеве, этот замок разрушили и начали строить заново. Достроили его не помню до какого этажа, а потом замок дал трещину и так и остался недостроенным. Был я там в 53-м году по туристической путёвке, так он и стоял недостроенный.

Что Вам особенно запомнилось на войне?

Что запомнилось? Очень много нужно было копать. Как только займешь какой-нибудь рубеж или переедешь – обязательно надо было закапывать машину. Командир машины постоянно находился при штабе, механика от работ освобождали совсем. Оставались наводчик, замковый и заряжающий. Вот эти 3 человека должны были самоходку каждый раз зарыть. Нормативов особых не было, но мы и сами понимали, что чем быстрее мы эту работу выполним, тем лучше это для нас. То же самое было и во время стрельбы. Если я плохо работаю, значит враг может поразить меня раньше чем я его.

Снаряд ведь весил 43 кг?

Вообще да. Но при этом он был отдельный: снаряд и гильза были отдельно. В 13-м учебном полку нас здорово тренировали насчёт этого. Там был сделан тренажер, состоящий из трубы в метр с чем-то в диаметре, под снаряд, и люльки. Нужно было уложить снаряд на люльку, передвинуть ее и толкнуть так, чтобы снаряд вошёл в нарезку орудия и перелетел в трубу. Иногда мы шутили друг над другом, подкидывая в эту трубу песочка. Те, у кого снаряд не вылетал, должны были после отбоя оставаться и заниматься дальше. Правая рука становилась, со временем от этих упражнений, очень сильной.

Какими-то уловками пользовались, чтобы быстрее зарядить?

Со временем принарабливались. Те, кто относился к этому делу без инициативы, тому приходилось хуже. А в среднем получалось около шести выстрелов в минуту.

Снаряды, так скажем, мыть или от смазки чистить ваша задача была?

Это ерунда, это даже за работу не считали, просто протирали снаряды ветошью и всё.

Во время войны боезапас возили только в рубке или на крыше тоже?

Я не знаю, как это делалось у танкистов, у нас были специальные стеллажи, дополнительно ещё снаряды клали под ноги.

А наверх?

Наверх мы снаряды никогда не клали.

Снарядов-то мало было, всего 20–22.

Нам этого боезапаса вполне хватало.

Какие чаще снаряды использовали: осколочно-фугасные, бетонобойные или бронебойные?

Бетонобойные снаряды применяла авиация. У нас в комплекте таких не было, мы пользовались осколочно-фугасными и бронебойными.

Какие были взаимоотношения внутри экипажа?

У нас в экипаже были русские, украинцы и один узбек. Отношения были самые хорошие, дружелюбные. Каждый всегда приходил друг другу на выручку. Видишь, что кто-то не успевает что-то сделать, значит помогаешь ему. Мне, допустим, помогали снаряды таскать и загружать. Что такое дедовщина, об этом мы и слыхом не слышали. По званиям выходило так: командир машины – лейтенант, механик-водитель – младший лейтенант, наводчик – старшина, замковый – старший сержант, и сержант – заряжающий. У нас рядовых не было, все были при звании.

Замковый, это кто? Это радист?

Нет, не радист. Радист – это командир машины. У пушки замок, дело замкового открыть этот замок, а мое дело затолкать и закрыть его.

Кто ходил за едой?

Ходили все по очереди. Офицеры питались отдельно от нас, им давали спецпак. А мы питались как придется. В большинстве случаев кухни даже не было, питались трофеями. У нас в машине, допустим, стоял ящик галет. Сверху, прямо на машине, валялся мешок сахарного песка. Утром встанешь, котелок сахарного песка с галетами рубанешь и целый день есть не хочется. (Смеется.)

Кухня не поспевала за вами или почему её не было?

Не то что не поспевала, мы просто как-то не стремились к ней. Доппак у нас был, а так самому долго что ли костер развести?

Задача наблюдать вместе с водителем у Вас была?

А как же. Во время марша обязательно нужно наблюдать, помогать водителю. Во время боя, это уже другое дело, тогда уже смотреть по сторонам некогда было. Главная задача была как можно быстрее зарядить орудие.

Где Вы располагались во время марша, на трансмиссии или где-то в другом месте?

Я находился в машине. У пушки было специально оборудованное сиденье, там я сидел, как на своем рабочем месте.

ДШК на крыше стоял?

Нет, не стоял. Наша самоходка была без пулемета на крыше.

Получали ли Вы какие-нибудь деньги?

Да, каждый месяц я получал 120 рублей. Дополнительно к этому нам платили за гвардейский знак 23 рубля, столько не платили ни за один орден. А вот за подбитые танки нам не платили.

Какое было отношение с мирным населением на территории Пруссии?

Первое время мы абсолютно никого не видели. Когда мы вошли в Кенигсберг, то начали появляться первые беженцы. Где-то впереди им перерезали дорогу и они возвращались назад. Ничего такого особенного не было, они к нам по хорошему относились и мы к ним также. Но и конфликты были. Я затрудняюсь сказать, кто этим делом занимался, но беженцев вырезали целыми семьями. Они думали, что это мы делаем, но наши такими делами не занимались. Как-то мы зашли в усадьбу, и видим: мужчина, пожилая и молодая женщины, двое детей – все убиты выстрелами. Кто это сделал трудно сказать.

У вас к немцам, какое было отношение?

Я с ними лично не контактировал. Могу только сказать, один раз увидел немца молодого, убитого. Посмотрел и думаю – что ему нужно было? Жизнь только начинается, а он вот лежит мертвый. Ненависти к ним не было, но мы знали одно: если в бою мы его не убьём, то он убьёт нас.

Доставалось нам от них, кстати, крепко. Я помню один момент наступления перед Черняховском. К закату мы подъехали к этой деревне, но в неё не вошли. Машины зарыли на околице. Ночевали мы обычно на улице, прямо под машинами. Натащим сена, сверху укроем плащ-палатками. Вот и в этот раз командир машины мне и замковому говорит: «Сходите в сарай, принесите сена». Сарай был метров 50 длиной, с сеном, соломой. Пошли мы туда и только взяли сено – тут всё и началось. Откуда они взялись, эти немцы, непонятно. Стрельба повсюду. Все бегут, одни сюда – другие туда, не поймешь ничего. Мы быстро схватили сено в охапку и побежали к машинам. Окопались мы там капитально, кругом рвы. Ночь просидели. Утром смотрим, а наших никого нет. Мы тут одни стоим, только по рации говорят: такое-то оружие, стрелять по такой-то цели, огонь. Потом пошли наши вперёд, а мы уже у нас в тылу остались. В месте прорыва немцы здорово укрепились. Саперы в минном поле делали проход, ширины такой, чтобы как раз машина проходила. Первая самоходка прошла, вторая прошла, а мы на полтрака влево взяли и наварались на мины. В борту дыра такая, что я пролезть мог. Командиру машины задницу как топором отрубило, наводчику ноги оторвало. Механика-водителя насмерть, а я со стороны взрыва был, вот взрывная волна пошла не прямо, а на механика-водителя.

Вы от пушки слева были?

Да, я сидел с левой стороны, а мина взорвалась под стеллажом. Первое время, после взрыва, я вообще ничего не слышал. Ощущение такое, будто весь в огне. Из уха кровь льётся, левая половина вся в земле, гари и копоты. Первая мысль была— ну всё, отвоевался. Минут через 10–15 начал немножко приходить в себя, стал слышать на одно ухо. Привели меня в санчаты – оказалось у меня лопнули барабанные перепонки. Впоследствии я демобилизовался – так закончилась для меня война.

Интервью: Артем Драбкин

Лит. обработка: Александр Дитрих

Федюнин Иван Васильевич

Давайте, начнем с самого начала, с 1941 года?

Я жил в Туле, учился в электротехническом техникуме, был учеником электрика, а потом стал электриком. Когда началась война, мне было 17 лет, я работал на патронном заводе. В октябре месяце, когда немец подходил к Туле, завод начали эвакуировать. Я принимал участие в эвакуации. Мы вместе с отцом и дядей погрузились в предпоследний эшелон. На станции Узловой эшелон разбомбили. Были жертвы. Отец и дядя решились податься на свою родину. В Тульской области жила бабушка, мы пошли туда. Шли пешком четверо суток. По дороге я в первый раз своими глазами увидел немцев. Идет колонна немецких машин. Это октябрь месяц. Заморозки. В машине сидят немцы, и немцы или наши в форме советских красноармейцев. В форме с треугольничками. Поразились мы.

Немецкая была колонна?

Да, немецкая. Две такие колонны мы встретили. Видимо, немцы, предвкушая победу, на тех солдат, которые выходили из окружения, из Рязанской области и других мест, не обращали внимания. Они даже ехали вместе с немцами, чтобы дома оказаться.

Федюнин Иван Васильевич

Когда мы пришли в Ефремовский район, фронт уже приблизился. Раскаты артиллерийские слышно было. В селе, где жила бабушка, размещалась 137-я стрелковая дивизия. Я своими глазами видел Крейзера, героя Советского Союза.

С Запада гнали скот, чтобы врагу не достался. Кормить его было нечем, и по полям бродили лошади, коровы, овцы. Вот мы и завели себе корову и овец. Я лошадь завёл. В нашем районе военкомата не было, и, когда немцы стали подходить, все мужики призывного возраста подались куда-то в сторону, в другой район в Рязанскую или Липецкую область, за Дон. Патриоты были – Родину надо защищать. Ушел и мой отец.

Затем район был занят немцами. Они оставили охрану, а войска ушли.

Один раз, вечером, приходит наш офицер и говорит:

– Мамаш, сыночек у тебя есть?

– Есть.

– Где он?

– Да, вон на печке лежит.

– Ну-ка, вставай! Ой, какой взрослый. Ты, может быть, знаешь, как дойти до такого-то населенного пункта?

– Конечно, знаю, я ходил туда пешком.

– К тебе придут ребята, ты их проводишь.

Ночью, часов в 11, постучались. Я оделся, вышел. Пять человек солдат. – «Проведи нас в поселок Мирный».

Это был конец ноября. Дороги все снегом занесены. Да, и вообще, там только проселочные дороги. Движения никакого. Фронт рядом. Я довел их до этого поселка. Подошли к крайнему дому, иди, говорят, стучись. Постучался. Вышел дядя Ваня. – «Немцы есть»? – «Нет». Я вернулся. Они мне дали за службу две гранаты, и я пошел обратно. Целина. Смотрю, провода торчат. Кабель! Совершил я диверсию. Посмотрел хороший провод, отрезал один конец. Иду, наматываю на руку – для хозяйства. Метров 100, наверное, намотал, не соображая, что это такое. Возможно, нарушил связь с передовыми подразделениями. Если бы меня на месте прихватили, то расстреляли бы с ходу, как злоумышленника. Это был первый случай, когда я соприкоснулся с солдатами. Второй случай был уже в декабре, когда началось наше наступление. Пошли наши войска. Шли пешком. Сибиряки в валенках, с лыжами. Часа в 2 ночи постучались. Мать вышла.

– Мужики есть?

– Нет.

Зашли с фонариками. Меня увидели.

– Вставай. До деревни Редьки доведешь нас?

– Доведу.

Проводил. Они пошли.

В январе 1942 года войска прошли и районное руководство вернулось из эвакуации. И нас вызвали в военкомат. 23-й, 24-й года рождения, которых еще не взяли, или вернулись из окружения. Из военкомата привезли в Облвоенкомат, в Тулу. Человек пятьдесят нас. Человек двадцать – 23-го года, человек тридцать – 24-го года рождения. В военкомате говорят, 23-й остается, а вы домой. Отпустили. А уже 12 февраля опять призвали. Создавался запасной стрелковый полк, 3-й армии. Нас приписали в этот полк. Привезли нас из военкомата, распределили по отделениям. Сказали— кто командир взвода, поселили в барак, вместе с местными жителями. Я был командиром отделения. Со мной было еще шесть парней из нашего села. Занятий никаких. 1-го марта нас повели в поле, подбирать трофеи. Пришли мы туда: немцы лежат убитые, оружие брошенное – бой был удачным. Вдруг прибегает связной. Команда— всех на построение. Нас быстро собрали в расположении полка, у штаба, в центре города. Смотрим, стоит строй одетых солдат. Нас тоже строят. Команда человек пятьдесят.

Вы еще были в гражданке?

Да. Нас не одедали, ни присяги, ничего, даже винтовки в руках не держали. Правда, когда я работал на заводе, у нас после начала войны проводились занятия по самообороне. Длинным коли, коротким коли. Устройство винтовки рассказывали.

Нас построили. По ранжиру. Отсчитывают тридцать человек, кто ростом повыше. Тех, кто пониже, назад, а остальных на склад – одевать. Оказывается в той команде, которая построилась человек 600–800 (проще говоря, целый эшелон воинов), не хватало 30 человек. Нами, кто ростом повыше, дополнили. Прибежали быстро одеваться. Гимнастерок не хватило, шинелей нет. Короче говоря, обмотки, теплые штаны, теплое белье и плащ-накидка. Шапка, конечно. Ремень белый тесемочный и подсумок. Оружия не досталось. Быстро в строй,

в хвост этого построения. Впереди оркестр. На железнодорожной станции уже стояла платформа. Загрузили. 12 марта попал я в 287-ю стрелковую дивизию, 3-й Армии.

Вы были пехотинцем?

Да. Сразу в пехоту. Сказали, 686-й полк, 3-й батальон, какая-то рота. Это было под Мценском. Река Зуша протекает. Фронт стабилизировался, на одном берегу реки немцы, на другом мы. Все сковано льдом. Через два дня будем наступать.

Оружие дали?

Нет, винтовок не было. Старшина был боевой, кадровый. Сказал, кого убьют – у того взять оружие. Таких безоружных в роте трое было. Рота человек 25. Не по штату. Одним словом, время назначили. Говорят, артподготовка будет. Где-то там пушки постреляли. Ракета красная – и вперед. Мы встали; немцы ударили из пулеметов и минометов. Мы залегли и стали отползать назад, в те окопчики, в которых сидели, в снег фактически. Мне посчастливилось: ранило в голову, попал осколочек.

Вы говорите март, а снег лежал?

Да. По пояс. Начал таять с 1 апреля. Зима 1942 года была очень суровой.

В медсанбате я подлечился. После медсанбата уже дивизия распределяла. Узнали, что я работал электриком на патронном заводе, учился на 3-м курсе электротехнического техникума. – «О! Связист хороший».

Повезло, что в первом бою ранило?

Да. Меня отправили в артиллерию, телефонистом. Я весь 42-й год и до августа 43-го был дивизионным телефонистом на наблюдательном пункте командира дивизиона. Он с наблюдательного пункта управляет батареями, а я сидел на коммутаторе. У меня было два товарища.

Коммутаторы наши?

Да. Простенькие такие. УНА-Ф. Коробка деревянная. По центру соединить, или влево, вправо. Когда провод перебьют, бежим. Я был самым младшим. Один с 22-го года, был Ходрашин Коля, одессит. Потом еще один одессит, Шмуклер Зося. Ребята они грамотные. Да, и я тоже. Мы были самые молодые. Были и взрослые. Старшина кадровый и другие. И так до 43-го года. Участвовали в Курской битве. Нашу дивизию перебросили немного южнее, из-под Мценска под Новосиль. Мы участвовали в артиллерийских подготовках. Там служба совсем другая.

В 1943 году в августе месяце меня направили в училище, 2-е Ростовское артиллерийское училище, самоходной артиллерии. Изначально это было училище противотанковой артиллерии, и на его базе стали создавать самоходное училище. Эвакуировано оно было в Пермь. В ноябре я стал младшим лейтенантом.

Мы учились по 12 часов. Изучали технику, двигатель, матчасть. Изучали стрельбу, по артиллерийски, с панорамой и подготовкой данных. Артиллерии больше было. У нас было три дивизиона: Су-76, Су-85, Су-152. Я попал в дивизион Су-76. Занятия. Машины. Прыгали, бегали, но не стреляли. Если в мирное время приспособливали винтовочные стволы – нацеливаешь орудие, а выстрел винтовочный, то в училище даже этого ничего не было. В основном теория. Марксизм-ленинизм. Подготовка к стрельбе. В выходной день на Каму, лес ловить на сплаве. Выходных не было.

Училище было на самообеспечении?

Да, нет, это видно была помощь. Два воскресенья были на Мотовилихе, там артиллерийский завод. Загружали боеприпасы – рабочих не хватало.

В конце ноября, приблизительно 27 числа. Курс закончили. Построили выпускные роты, или батареи назывались. Три батареи. Су-76, Су-85, Су-152. Объявили приказ командующего уральского округа № 021 от 22 ноября 1943 года, и направили из Перми в Киров, на завод по производству Су-76. Там был 32-й учебный танковый полк. Там нас разместили. В январе мы уже получили машины. Помню, гоняли одну машину назад на завод. Трещины на броне заваривали – производство было такое. Но одним словом, получили технику, в роту и в эшелон...

Вы командир орудия?

Самоходной установки.

...И покатили. Зеленая улица. Остановки только для того, чтобы поменять паровозы. И что вы думаете? Прикатили в Подмоскovie, в Пушкино. Здесь был учебный центр бронетанковых войск. Штаб располагался в Москве, на улице сейчас Рыбалко, дом 1. Там есть мемориальная доска, как раз угол Алабяна и Рыбалко. Сколько-то там пробыли.

То есть учили вас там?

Да, нет. Техника стояла, мы балдели. Оказывается, наш 370-й Гвардейский самоходный артиллерийский полк, включили в состав 98-й воздушной десантной дивизии. Там формировался 37-й воздушно-десантный корпус, этим корпусом командовал Кулик, бывший маршал. Три воздушно-десантные дивизии: 98, 99-я и 100-я. В каждой дивизии по самоходному артиллерийскому полку. Все три полка – 370, 371, 372-й – гвардейские. Мы там кантовались до июня месяца. Потом в эшелон и на Карельский фронт.

В наступление?

Да. Где-то в районе Лодейного поля, станция Аять, не доезжая до Лодейного поля, нас разгрузили. Переходили по реке Свирь. Когда мы вели самоходки, нас постоянно спрашивали: «А какой это танк?» Ребята, которые там с 1941 года, даже танков не видели. Река Свирь широкая, метров 200–300. Получили задачу, подготовить капониры. Скоро в наступление. Я командир самоходки. Буквально ночью встали метрах в пятидесяти от уреза воды. Капонир на каждую самоходку. Командиром батареи у меня был старший лейтенант Ряшанцев, из политработников, когда-то он был председателем колхоза, потом в армии комиссаром роты, когда переходили с комиссаров на политработников, многие низшие звенья стали строевыми командирами. Вот такой строевой командир. Командир батареи. Насчет образования не знаю, но как ему было необходимо составлять расписания, он меня заставлял, я был самым грамотным. В ночь с 21-го на 22 июля вывели самоходки на огневые позиции. 22 июля началась артподготовка. 3 часа! Мы были на прямой наводке. И нашей задачей было, когда после артиллерийской подготовки начнется форсирование, подавлять огневые точки, которые там оживут.

Вы в самой артиллерийской подготовке не участвовали?

Нет. Нас использовали как танк. Артподготовка прошла, началось форсирование. Может быть, вы знаете эту историю. Там сначала послали несколько лодок с макетами, финны их расстреляли. Двенадцать человек тогда получили Героя Советского Союза. Из них в живых было только три или четыре, остальные посмертно. Мы несколько выстрелов сделали. Когда захватили плацдарм, понтоны подошли. Очень быстро сработали, часа за два, не больше. Первая самоходка моя. Переправились на ту сторону. Пока я выкатился, вторая подходит. Подъезжает зам. командира полка: «Что ты здесь стоишь? Где командир?» – «Он еще сзади, с двумя самоходками». Мать через мать. «Вперед давай! Там залегли десантники!» По всей вероятности, там была еще одна полоса обороны, километра через три-четыре. «Вперед! Командуй!» Я зам. командира, командую.

Лесной массив. Мы выходим на опушку, подбегает десантник: «Вот там видите, противотанковый ров, за ним окоп. Мы залегли, финны не дают возможности подняться». Я даю команду развернуться. И мы по 20 снарядов закатали. Проходит время, десантники поднялись, пошли. Один населенный пункт прошли, второй, километров через пятнадцать остановились. Вторая полоса обороны. Оборонительный пункт Карельский. Его везде описывают. Укрепленный пункт был солидный. Вместе с нами к этому укрепленному пункту, откуда-то подошли три танка Т-34. Приехал командир батареи. Мы стоим. Один танк пошел в разведку. Там двухэтажные дома, из-за одного из них мы наблюдаем. Тут, бах! Танк на mine подорвался. И тут слышим, с нашей стороны заиграли «Катюши»! Нас накрыли. Мины рвутся. Черт!

Видно, они переправились и закатали с берега. А там уже мы были, и в том числе десантники. Десантников много погибло. У нас погибших не было. Вечером узнали, что экипаж того танка жив остался. Они прибежали. Рассказали так и так. Оказывается, назад стали сдавать с дороги и задней частью на мину наехали, ленивец сорвало, гусеницы, но экипаж жив.

Мы два танка, три самоходки (две остались с командиром) рванули в этот укрепленный пункт, впереди танки, мы за ними. Ворвались в село. Это был июль, ночи почти нет. Все видно. Три раза финны пытались контратаковать. Мы их как цыплят. С этих двух танков их тоже из пулемета крошили. Много финнов побили. Часам к семи утра появился командир батареи с двумя самоходками, вышел, отошел от дома, и тут разорвался снаряд, его ранило в живот. Его на самоходку и назад. Мы, собственно говоря, продержались ночь и до середины дня. У меня уже осталось по два снаряда. Смотрим – идут другие наши батареи.

Командир полка подъехал, говорит мне: «Ты будешь во втором эшелоне. Первым пойдет батарея лейтенанта Романова. А вы за ней». Движение там только по дорогам. Не так, как на Руси по полю, где хочешь, по проселкам, там так невозможно – лес сплошной. Первая самоходка только стала на дорогу выезжать и взлетела, подняло на уровень кроны деревьев. Погиб ротный командир, Романов Федя. Погиб механик. А заряжающий и наводчик вылетели, их волной выбросило. Самоходка сгорела.

Мина?

Мощный фугас. Там был настил деревянный, а под ним фугас. Я потом останавливался. Федя весь сгорел. Остался один скелет. Самоходка Су-76 была на Б-70 (авиационный бензин). Поэтому ее звали БМ-4А – братская могила 4-х артиллеристов. Мы продвинулись, какое-то время шли. Третий укрепленный район – Самботукс. Это приблизительно около 30 км от Свири. Надолбы, танки стоят. Площадь большая, открытая, а этот населенный пункт на высоте. Самоходки ИСУ-152 стоят. Мы на своих «жу-жу» Су-76-х примерно метров сто не дошли до этих надолбов. Остановились, связались с танкистами, что делать? Я пополнился боеприпасами. У нас было 45 снарядов. Боекомплект: 5 кумулятивных снарядов, 5 подкалиберных и 35 осколочных...

А болванка?

Кумулятивный снаряд мощнее, чем бронебойный. Вообще, хороший снаряд. ЗИС-3.

Панорама была, чтобы с закрытых позиций стрелять?

Да. Все было. В одном бою снайпер попал. Панорама выходила за пределы самоходки, и вся разлетелась. Хорошо была запасная на каждой самоходке.

Короче говоря, мы постреляли. Затишье. Авиация. Штурмовики прилетели. До вечера мы проторчали. При этом интересно: финны стреляли по нам сверху – мы стояли в низине – болванки так, «шу-у» над головой летят, но видно угол установки пушки не давал им возможности опустить ствол, чтобы попасть. Ни одного танка, ни одной самоходки они не подбили,

несмотря на то, что стрельба из противотанковой артиллерии была сильной. Штурмовики их расколотили.

Вечером, часов в десять, наши войска пошли. Я уже командир батареи. У меня пять самоходок. Мы пошли. Обошли эту гору. Вышли на дорогу, в лес. И встречаем командира десантного полка: «Наши десантники уже впереди, что вы здесь топчетесь. Давайте быстро! Там колонна финнов идет, если вы догоните и разобьете эту колонну, получите Орден Красного Знамени». Я командую: «Вперед!» Километров пять-семь проскочили. Опушка леса, никого нет, не догнал. Смотрю: вдалеке снуют финны у орудий.

Мы начали их расстреливать. Из противотанковой пушки. И что вы думаете? У меня там две самоходки спалили. В одной экипаж погиб. Я остался с тремя самоходками.

Там мы встретили даже станковый и противотанковый гранатометы, в 1944 году. Видно, немецкий. У меня как раз тогда снайпер снес панораму. Он сидел на крыше. Близко. Этот дом мы, конечно, сожгли. Финны драпанули, естественно. Расстреляли мы все боеприпасы. Горючее почти закончилось. Я сообщил. Через некоторое время приехала боезаправка. Заправились. Поехали дальше.

Почти до Сортавалы мы наступали вдоль дороги. С неделю наступали. Особого сопротивления не встречали. Видно, против лома нет приема. У них танков не было, а противотанковую артиллерию только на открытой местности можно развернуть. В лесу отдельные «кукушки».

Остановили нас. Стоим, ждем день, второй, третий. Во втором эшелоне. Что финны сделали!? Все деревья спилили, оставив пни выше клиренса танка. Мы один раз попытались, но не смогли вперед стронуться. Дорога вся заминирована. Два танка подорвались, ИСУ-152 подорвалась.

Видно в тот момент, начались переговоры о выходе финнов из войны. Мы получили приказ, в эшелон, и тремя самоходками в Псков. Десантники откололись. Мы стали отдельным полком. За форсирование Свири я получил орден Красной Звезды.

В Псков прибыли, разгрузились. И пошли в наступление в сторону Риги. Там я попал, мою самоходку подбили, и она сгорела. В заднюю часть попали, в ленивец, видно из противотанкового орудия. Мы все выскочили, и через некоторое время она запылала. Короче, самоходку потерял, в Ригу пришел двумя самоходками.

Вам в Пскове не дали самоходок?

Нет. Только в Риге. Там уже шло наступление, наращивали, усиливали. В Риге мы два или три дня пробыли. Навели переправу понтонно-мостовую через Даугаву. На левый берег. Курляндскую группировку добивали. Там я закончил эпопею. Меня уже после Риги в штаб разведки взяли. Это громко звучит, в общем, оказался при штабе. К тому моменту наш полк уже именовался 370-й Рижский (за взятие Риги) ордена Красной Звезды Гвардейский самоходно-артиллерийский полк. В феврале месяце нас отправили на формирование в Белоруссию. Был такой Белорусско-Литовский танковый военный лагерь. Приехали в Белоруссию. В землянках там разместились. Получили всю технику. Я уже был штабным офицером. Когда закончилась война, мы были в Осиповичах. Вот и все! Особо героических подвигов не совершал.

Основная цель – пехота или бронированные объекты?

В бою бронированные объекты, более интересные. По пехоте автоматная очередь, пулеметная очередь. Например, мы в лесу, со всех сторон автоматические очереди по броне: дзинь-дзинь-дзинь. Десантники под самоходку, в самоходку забили. Мы стоим хоть бы что. Несколько выстрелов сделали и тишина. Как с пехотой бороться, особенно с «кукушками». Они на деревья залезали. Только до куста добрался, все его уже нет. А там сплошные лесные массивы. Воевать финны умели. В Прибалтике, когда 2-й Белорусский фронт уже отрезал немецкую группировку, это октябрь месяц был, немцы плавный отход осуществляли. Арьер-

гارد днем наступает, к вечеру занимает оборону. Пока мы разбираемся, что к чему, когда начинаем, уже докладывают: «Немцев нет». Километров 20–30 продвинулись. Опять аррьер-гарт. Опять постреляли. Опять остановились. Вот такое было явление. Вдоль Рижского шоссе, правда, можно было сделать маневр, обойти...

С закрытой позиции приходилось стрелять?

Нет. Только с открытой, прямой наводкой. Использовали как танк. На стрелковую дивизию давали одну батарею. Я командир батареи, при дивизии. Дадут направление, и ты тянешь. Впереди пехоты. Действовали как танк.

С немецкими танками сталкиваться приходилось?

Нет. По бронетранспортерам несколько раз стрелял. Когда в контратаку шли, там две танкетки финские. С первого выстрела подбил— пушка очень хорошая. И в Прибалтике тоже. Бронетранспортеры пошли, с какой целью не знаю, но попали нам под прицел. Подожгли их.

Трофеи были?

Нет.

Шоколад?

Нет. Единственное, когда по территории Карелии шли, населения не было, в дом зайдешь, можно что-то взять. Вяленая рыба висит, сушится. Это прихватывали. Двух пленных взяли с вещмешками. Солдат потрясли, нашли сахарин. Шоколада не было. Какие-то шмотки. Шмотки не нужны были.

В Прибалтике тоже население скрывалось. Общения с населением не было. Единственное, были случаи, когда скот оставался. В хутор заскочили, куры, гуси бегают, в хлеву баран кричит, овцы. Были случаи, для общего котла резали.

Интервью: Артем Драбкин

Лит. обработка: Игорь Солодов

Крысов Василий Семенович

Я после школы попал в Челябинское танковое училище. Меня призвали, но я добровольно пошёл в военкомат, быстро попал туда. У нас половина курсантов были с высшим образованием, инженеры, педагоги и даже во взводе был один кандидат наук, поэтому трёхгодичную программу мы прошли за один год. Половина-то молодежи была, десятиклассники, но у нас память была свежая, так что мы учились на одном уровне. Обучение было очень напряжённое по времени. Подъем был в 6 часов, отбой в 23 часа, перерыв только на обед, а остальное учеба. Практики было мало, потому что не было такой возможности. Изучали мы КВ тяжелый; тогда уже вышел КВ-1С. Но параллельно касались «тридцатьчетверки», лазили в трофейные танки Т-3, Т-4, потому, что не было у них еще тяжелых танков.

Сколько КВ и «тридцатьчетверок» было у вас в училище?

Где-то по два танка на всё училище. Так что вождением мы в основном на тракторе занимались. На танке практика вождения была не более пары часов. Стреляли тоже не боевыми снарядами, а через вкладной ствол пулями из пулемёта ДТ по пушечной шкале. Определяли расстояние и стреляли как из пушки, потому что он спаренный был. Одевали скромно весьма и кормили скромно. Вроде хороший паек по тому времени, норма была, а мы росли и не хватало – мы добавки просили все время. Вот такое дело. А форма простая, вначале погон не было: значит, на гимнастерках петлицы продолговатые (показывает руками у шеи. – *Прим. А. Б.*) и танки маленькие, обмотки. Длина у неё два метра, а ты должен успеть ее намотать. Нары у нас были двухэтажные и мы за три минуты должны были одеться по команде «Подъем», намотать обмотки и встать в строй. А еще темно. Нас хорошо закаляли физически, морозы были до сорока-сорока пяти градусов зимой 42-го года. А мы в нательном белье на зарядку ходили и не болели.

Крысов Василий Семенович

Среди преподавателей были фронтовики, но они мало что рассказывали о войне, которая нам предстояла. Как-то подходить специально с этим вопросом стеснялись. А они не рассказывали потому, что нельзя было рассказывать. Скажи не то слово – контрразведчики тут сразу. В начале командиром взвода был лейтенант Максимов Иван Гурьевич, командиром роты – Горшков, лейтенант тоже. Командир батальона – Бойко. Толковый был мужик, молодец, требовательный.

Как проходило обучение тактике?

«Пешим по танковому» – флаги и пошли в поле. Боевые порядки принимали «линия», «уступом вправо», «уступом влево», «углом назад», «углом вперед». Учили нас борьбе с немецкими танками: определять дистанцию правильно и вести огонь сразу на поражение. В артиллерии – там: «широкая вилка», «узкая вилка», а у нас боекомплект-то небольшой был, поэтому мы сразу на поражение и конечно соображали – бить где-то с тыла башни и корпуса. Если башню у танка заклинит, то он уже не боеспособен. Чтобы вывести быстрее из строя вражеский танк, то огонь – по гусенице фугасным снарядом, а бронебойным по башне. У немцев стояли приборы, дальномеры; они наши танки знали все марки и по приборам расстояние точно определяли. А мы – на глаз или по формуле «тысячных». Это в обороне по формуле можно посчитать, а в наступлении какая там формула? Глазомер только, и все. Но надо сказать, что я стрелял отлично и окончил училище с круглыми пятерками. Выпустили 50 % лейтенантами и 50 % младшими лейтенантами – кто похуже учился, того младшими лейтенантами. Училище я закончил в начале июля 42 года.

После окончания училища я попал в 158-ю отдельную тяжелую танковую бригаду на должность командира взвода. Экипаж меня хорошо встретил, хорошие были ребята – большинство уже участвовали в боях. В бригаде были танки КВ-1С, вся бригада из них состояла. В бригаде по штату я не знаю сколько было, но танков 50 было, когда я прибыл. Бригада участвовала в боях, понесла большие потери. Потом где-то наверное в сентябре немцы нас бомбили страшно и разбомбили штабную машину. А раз потеряно знамя, мы так-то числились бригадой, а знамени не было. Потом ее расформировали после сталинградских боев. Нас включили в 38-ю армию; на ее основе создали 1-ю танковую армию. Она была создана где-то 26 июля, а расформирована 5 августа. Нанесла удар в район совхоза «10 лет Октября» и населенный пункт Ложки, там прихватили много трофеев и ее расформировали.

После наша бригада попала в состав 4-го мехкорпуса генерала Вольского Василия Тимофеевича. В 4-м механизированном корпусе у нас разные были танки – «тридцатьчетверки», даже Т-50 были, но в основном-то «тридцатьчетверки» и КВ, потому что Сталинградский завод тракторный ремонтировал эти танки и делал.

Помните ли Вы свой первый бой?

Он проходил где-то на середине между Калачом-на Дону и совхозом «10 лет Октября». Я чувствовал себя так, как будто на учениях (смеется). Пока не врезали первый, второй раз, а броня-то была 75 мм. Немецкие пушки ее не пробивали, и мы это использовали сполна. Заняли этот совхоз, много там было сил, но мы пробили и пленных прихватили. По части Сталинградской битвы неправильно советская историография осветила. Когда группировку Паулюса окружили, когда в Советском встретились две бригады – 36-я мехбригада Юго-Восточного фронта и 45-я бригада Юго-Западного фронта кольцо замкнули. А внешнего-то кольца окружения не было, так что немцы могли прорвать в любом месте. Мы орудия-то держали на Паулюса, а спина-то была голая.

Что я хочу сказать. Немцы решили деблокировать, создали группу армий «Дон». Я о ней о всей-то не буду говорить, а скажу о 4-й танковой армии Гота, которая наступала на хутор Верхнекумский и потом на реку Мышкова маршрут ее был. Река Аксай Сауловский. И вот немцы дошли до этого хутора Верхнекумский и мы их встретили. У них было с подходом 17-й танковой дивизии порядка 600 танков и штурмовых орудий, а у нас около сотни. Пехоты у них в два раза больше было. И артиллерии тоже в два раза больше. И мы шесть суток дрались, а 2-я гвардейская армия Малиновского находилась в это время за 180 км. И пешим порядком она шесть суток-то и шла до реки Мышкова, где потом и заняла оборону. А у нас во всех военных источниках написано, будто она как-то там оказалась. Не было ее, пусто было, можно было пройти.

Немцы когда сунулись, они думали, что никого нет, а по ним открыли огонь. Они остановились, естественно, у них впереди разведка шла. Заняли позиции и открыли огонь ответный. Конечно много было раненых; за хутором в амбаре медсанбат полевой корпуса. Раненых – туда, так раненые еще бой вели, не уходили с огневых позиций под приказом. Такие вот действия были и шесть суток удерживали эти позиции.

Вольский-то гениальный какой парень. Он бросил порядка двадцати танков за Аксай Сауловский к немцам в тыл и они вынуждены были круговую оборону занимать. Когда мы израсходовали уже все снаряды за Аксаем и стали отходить к своим, мы наткнулись на 17-й дивизию. Они открыли огонь с малого расстояния и у них были подкалиберные снаряды. У них они были уже в 41 – м году, а у нас появились только в 43-м году перед Курской битвой. Мой танк тогда сгорел, Миши Мардера танк сгорел. Подбили меня так: когда я проскочил уже шоссе, ударили в корму, трансмиссию. Двигатель загорелся, но экипаж-то не пострадал. Мы выскочили через люк-лаз в середине боевого отделения, потому что такой сильный огонь был. Мы выскочили и залегли, прихватив автоматы, пулемет сняли, диски взяли. А дело-то было зимой – маскхалаты прихватили. Потом к своим больше суток добирались, в одном месте в овраге ночь провели, день провели и тогда уже пошли. Сняли охранение – два экипажа, десять человек нас было – передовую позицию забросали гранатами и проскочили. Немцы когда спохватились, они такой огонь открыли, что несколько человек из наших были ранены. Миша Мардер сильно пострадал – вместе с ним учились в танковом училище. Но он воевал хорошо; еврей, а воевал хорошо.

Немцы все-таки боялись напролом идти – танки стоят, пушки направлены. Командир корпуса приказал под прикрытием 55-й бригады отходить на Мышкову. Мы подошли туда в ночь с 18 на 19 декабря; как раз тогда 2-я гвардейская армия Малиновского и стала занимать там позиции. Тогда только, а не когда Сталин сказал с 12 декабря.

И вот когда мы задержали, отошли – немцы ничего не могли сделать, оборона уже была крепкая. Я восхищаюсь нашими генералами-танкистами, которые научились к этому времени, только к этому времени, остальное всё были промахи, сплошные промахи, – воевать научились. Там сейчас стоит стела девятиметровая, стальная, а на фундаменте написаны только названия частей и соединений. А надо было написать всех воинов, которые полегли, которые живые остались.

Кто был самым важным и ценным членом экипажа?

Пожалуй, все и должна быть взаимозаменяемость. На КВ когда я воевал, то все могли друг друга заменить, неодинаково, конечно, но для боя готовы были. На самоходках то же самое было с экипажем. Если заряжающий не успел зарядить, то выстрела нет, наводчик не успел навести – выстрела нет или мимо. Механик не выполнил команду – и все под огонь попадают.

Какое качество для танка в ту войну было наиболее важно: броня и пушка или надежность самой машины?

Во время боя – мощность огня и броневая защита, а скорость играла незначительную роль, от снаряда не убежишь.

Как Вы в целом оцениваете танк КВ?

В свое время он был король фронта: у нас с броней 75 мм. были в корпусе. Было три пулемета: один спаренный с пушкой, один у радиста-пулеметчика в шаровой установке и один тыльный. Они одинаковые, а лучше, конечно, у стрелка-радиста, он независимо от пушки мог в любое время стрелять.

Как Вы оцениваете приборы наблюдения в КВ?

Прибор наблюдения ПТК-4 – ну, нормально. Поворачивается и командир дает команду. Вот это, по-моему ошибка была очередная: «Лимб такой-то! По такой-то цели огонь»! А что такое лимб – это на погоне башни деления были, 360 делений и он должен стрелку навести на ту, на которую командир дал команду. Наводчику команду давал. Когда проще было: «Пушка справа! 800! Осколочным, огонь»! Вот и все.

А 800 – это расстояние до цели?

Нет, это дальность прямого выстрела этой пушки. Не изменять прицел.

Как Вы оцениваете трансмиссию и двигатель КВ?

Двигатель был отличный – дизельный В-2В, мощностью 500 л.с.

А сколько у него ресурс моточасов был в 42-м году?

Не считали, пока ходит и воевали. Профилактикой не занимались, ну текущий ремонт при первой возможности делали. Нет огня, остановились и сами обслуживаем. А эти нормы все техобслуживания ТО-1, № 2, № 3, все в училище знали, но не делали. Мы возмещали все это своей любовью к машине. Наносили камуфляж на танк – в зимнее время известью белой покрывали под снег. Все в бригаде и корпусе.

У КВ что чаще ломалось бортовой фрикцион или коробка передач?

Ломаться-то почти ничего не ломалось. Добротное было сделано. Выходил из строя не главный фрикцион, а тяги управления. Вытянулась тяга управления – уже скорость не включишь. Он педаль нажимает, а главный фрикцион не выключается полностью. Поэтому надо было сразу укоротить, отрегулировать тягу. Что еще с двигателем могло быть? Там насос высокого давления МК-1 создавал давление 200 атмосфер, под которым топливо подавалось в цилиндры у дизельных моторов В-2. У карбюраторных там смесь начинается, а здесь топливо напрямую подается в цилиндры через форсунки, форсунки его распыляют, поршень его сжимает и происходит самовоспламенение. Так могла быть сбита регулировка у этого насоса. Тогда приходилось регулировать регуляжом верхнюю мертвую точку, подгонять.

Самая эффективная дистанция стрельбы для КВ какая была по дальности?

Чтоб прицельные установки не менять – 800 метров прямой выстрел по танкам противника. По пушкам меньше конечно.

Сколько на КВ надо было снарядов потратить, чтобы немецкий средний танк подбить?

Одно правильное попадание. У нас никаких вилок не было, боекомплект был ограниченный. Мы вели огонь сразу на поражение. Как в училище учили поражать с первого выстрела, так мы и стреляли. Мы прицел ставили. Шкала есть прицельная, на ней обозначены бронебойный, осколочно-фугасный снаряд. Мы смотрели: по танку, так по бронебойной шкале, машины и другое подобное – по осколочно-фугасной. Но бывали казусы: нас всю ночь обстреливала артиллерия или минометы тяжелые под хутором Эдуардовка. Это под Брусиловом в Украине. Мы не успевали прятаться, мы копаем окопы – нас обстреливают. На рассвете я забрался на вершину дерева и посмотрел, откуда это бьет. Самоходку вывели на огневую позицию, и я Валерию Королеву даю команду. Я определил расстояние, но там чернозем, черное поле, а оно скрадывает расстояние. Я даю команду: «Прицел 40», это значит на 4 километра, смотрю – недолеты. Прицел 44 – недолет. 48 – недолет. Потом на предельную 5,6 км. – прицел 56 и точно, мы ее подавили. Вот и в газете фронтовой писали: «уничтожил 8 «тигров» и артиллерийскую батарею». Так я с дерева корректировал огонь у хутора Эдуардовка.

Когда Вы стояли в обороне на КВ обязательно было окапывать его?

Обязательно. В 42-м году у немцев были не только подкалиберные снаряды, но и кумулятивные. А он тоже пробивает не меньше. Я видел на КВ: он ударяется и там срабатывает ударник, загорается взрывчатая смесь и она фокусируется как в рефлекторе и прожигает броню с палец толщиной. Если попадет снаряд в башню танка, то это взрыв – экипажа нет и танка нет. Они могли даже на Т-3, где пушка была пятидесятимиллиметровая, применить кумулятивный и подкалиберный снаряды.

На Вашем КВ была пушка ЗИС-5?

Нет, Ф-32.

Как Вы считаете, она для условий боя 42-го года для такого танка как КВ была достаточной?

Желательно бы посильнее. То, что позднее стало 85, 100 мм. Наш корпус продолжал наступление и получил наименование 3-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус. Я ранение получил правой руки, но в госпиталь не пошел. А потом всех командиров, которые без танков остались, собрали и отправили на Урал, в Свердловск. Там я попал в другой полк, на самоходки СУ-122 в марте 43-го. Мы маршевыми батареями по 5 самоходов прибыли под Пушкино Московской области и там в лесу формировались в наркоматовских дачах. Формировался полк 1454-й самоходно-артиллерийский и он получил после наименование Перемышленско-Лодзинский Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова. Командиры были назначены батареям, взводов, самоходов, знакомили нас с командованием полка, выстраивали, а потом – боевое сколачивание подразделений: и вождение тут отрабатывали, и стрельбы. Здесь стреляли боевыми снарядами, по несколько снарядов. Фронтовиков было немного, большинство были новички в полку.

Как Вы отнеслись к тому, что перешли на самоходки воевать?

А ничего. Стояли мы немного в обороне, а у нас два командира были, которые учились на самоходчиков. Они закончили самоходное училище и рассказывали как с закрытых огневых позиций стрелять, как панорамой пользоваться – артиллерийская панорама стояла. А так-то техника та же самая: двигатель, коробка, фрикционы – главный, бортовые – все. В обороне мы стояли до 15 июля под Поньями, совхоз «1 Мая». Полк был включен сначала в состав 13-й армии генерала Пухова. Полк был отдельный и в обороне стояли апрель, май, июнь. Стояла 128-я бригада танковая рядом, но очень слабенькая – там один батальон был «тридцатьчетверок», а остальные – легкие танки Т-60, Т-50. Они чего могли «сорока-пятками»; у Т-60 двадцатимиллиметровая пушка – ничего они не могли, но оборону держали нормально. Правда, что было плохо – у нас были гаубицы, у которых не только подкалиберных снарядов не было, но и бронебойных, а только осколочно-фугасные. Мы ими стреляли по танкам с колпачков и полным зарядом. Выводили из строя, не поджигали, потому что не могли пробить броню. Гусеницы сбивали, по башне били, – а снаряд-то был тяжелый 21,76 кг, – бахнет, так чувствуется там.

Как для Вас началась Курская битва?

Залпом наших орудий за час до наступления немцев. Мы радовались конечно, что наши бьют. А потом немцы себя в порядок привели и по нам. Наши открыли контрбатареиную стрельбу, в которой наш полк не участвовал. У нас было 28 снарядов в боекомплекте и мы стояли в первом эшелоне. Нас сразу включили в 9-й отдельный танковый корпус, он потом стал называться Бобруйско-Берлинским. Начиная с 5 июля на нашем участке отступления не было,

только немцам удалось занять половину Поньрей, северную окраину. Они заняли ее где-то 7 июля и мы нанесли контрудар, в котором участвовал наш полк, 73-я дивизия и 75-й гвардейский танковый полк. (Вероятно, ошибка. Правильно: 27-й гв. танковый полк. – А. Б.) И мы их выбили, а в целом они на отдельных участках вклинивались между 13 и 70-й армиями на 10–12 км. А больше не могли.

15 июля мы от Поньрей пошли в юго-западном направлении, занимали много с ходу, так как немец отступал. Занимали крупные населенные пункты – станцию Усмань, город Усмань, потом Посадку заняли, Ярославца, а 1 сентября взяли Кролевец.

За это время боев Вы почувствовали разницу между КВ и самоходной установкой?

Самоходка быстроходная была – скорость 55 километров, а КВ-35, вот это мы почувствовали. А в основном, бой есть бой. Когда в обороне стояли, то мы только по танкам огонь вели. По пехоте не стреляли, так как мы экономили снаряды. А, кстати, я прихватил трофейный станковый пулемет МГ-34 и он мне здорово помогал, по пехоте стрелял. Немцы драпанули, а пулемет оставили. У меня был замковый в экипаже, старичок 97-го года рождения из Саратовской области: «Вот, товарищ лейтенант, надо взять пулемет». Я согласился: «Конечно, надо взять». Он нас здорово выручал, а потом всю войну я возил на самоходках, на которых воевал, пулемет МГ-42. Отличный пулемет, по немцам отлично бил – у него ленточное заряжание, воздушное охлаждение и 250 патронов в коробке металлической. Мы коробок десять прихватим и бей. А вот когда фаустпатроны появились у немцев, то они стали для нас опаснее танков и штурмовых орудий. Когда идем где-то по лесному массиву или в город заходим, то сначала из пулемета прочесываем все, а потом уже входим. А то они могут из него с близкого расстояния из подворотни, из-за куста по нам выстрелить. Они были для нас очень опасны.

Где наиболее вероятные места их нахождения?

Они могли из какого-то этажа сверху, а больше-то из подвалов. А иногда они маскировали бочку металлическую: ну, бочка и бочка, а там сидит истребитель с гранатой или фаустпатроном. А мы догадывались и даже снаряда не жалели, чтобы по ней ударить.

Насколько эффективен был фаустпатрон в борьбе с нашими танками?

Здорово, они пробивали до 240 миллиметров броню.

У Вас в полку какие были потери от фаустпатронщиков?

Пожалуй, я что-то и не помню такого.

Я знаю, что Вы после СУ-122 воевали на СУ-85. Когда это произошло?

Это в сентябре 43-го года, мы до Нежина дошли и нас по зеленой улице в тыл отправили по приказу наркома. Опять на станцию Пушкино и в этот же 1454-й полк мы получили новые самоходки СУ-85. Самоходки хорошие, прямо скажем. Я в конце войны воевал на Т-34-85, так самоходка эта лучше была, чем этот танк. Пушка одинаковая, скорость одинаковая, но самоходка на полметра ниже и на полтонны легче, а это что-то значит. У нас все было засекречено, кто что может пробить. Но я лазил в трофейные «Тигры» и «Пантеры» и видел: у них броня вот такая – 100 мм., а у нас – 45. А у нас скрывали это все и не очень поощряли любопытство на этот счет. А если кто-то скажет, что немецкий танк лучше нашего – штрафной батальон будет обеспечен. Нельзя было хвалить немецкую технику – наша лучше, и никаких гвоздей!

Наши танки хуже были, чем эти новые немецкие. В двух словах про Прохоровское сражение. У нас некоторые ретивые политики твердят: «Разгромили»! Да не разгромили, остановили кое-как.

Можете рассказать, за что была первая боевая награда?

Первая была – орден Красной Звезды. На нашем участке наступало порядка сотни танков, но на широком фронте. На мою машину шел «Элефант», у нас его почему-то называют «Фердинанд». А Фердинанд – имя его конструктора Порше. Идет, а у него броня-то 200 мм; я знал, что я своей пушчонкой ее не пробью. Я тогда был на СУ-122, где стояла гаубица. Сбили гусеницу и он остановился. Он как вожак у них был. Мне в Кролевце и вручили орден Красной Звезды. Это было в 43-м году, когда мы освободили Глухов, первый украинский город, потом Ярославец, после Кролевца.

Вы не могли бы рассказать о бое на Брестском шоссе?

Это было в Польше. Полк остановился в лесу. Меня вызвал начальник штаба майор Шулико в штабную машину, разложил карту, показал мне населенный пункт (Стулино. – А. Б.). Дали мне батальон десанта, я послал разведдозор вперед и идем вперед на малых оборотах, чтоб не шумели, не гремели, даже крик филина мы слышали.

На рассвете подошли к Стулино, развернулись в боевой порядок и немцев атаковали. Но надо отдать должное – они быстро мобилизовались и открыли ответный огонь. Тем не менее мы захватили населенный пункт, пленных захватили, но они успели подбить три самоходки из пяти. Не подожгли, а подбили. Я доложил в полк, что приказ выполнен, высылайте срочно ремонтников – три самоходки подбито. И мне сразу Шулико дает приказ по кодированной карте прибыть на передовой командный пункт 165-й дивизии и выполнять приказы командира дивизии. Я двумя самоходками и пошел, быстро нашел командный пункт. Командир дивизии говорит:

– На Брестском шоссе находятся крупные склады. Надо их захватить и удержать до подхода наших главных сил. Я Вам даю на усиление взвод станковых пулеметов «Максим» – два пулемета. Понятна задача?

– Понятна.

И мы пошли по просеке, заросшей мелколесьем 4–5 метров высотой, сосенки и елки. Я почувствовал, что немцы рядом седьмым чувством каким-то, остановил самоходки, взяли механиков-водителей, офицеров и пошли к шоссе с автоматами, гранатами. Смотрим – немцы полным ходом идут: бронетранспортеры, артиллерию тянут, мотопехота на машинах. Я принимаю решение атаковать. Мою самоходку разворачиваю влево против хода движения, а Павлика Ревуцкого вправо по ходу движения. Мы молотили – у меня механик был наверное самый опытный в Вооруженных силах Яков Петрович Михайлов, он потом после меня погиб – одну машину в правый кювет, другую машину в левый кювет сталкивал. Мы прошли километров десять, лес кончился и один немец нас все-таки обманул. Километра за два он понял в чем дело, встал на крыло и машет: не стреляй мол. Я-то думаю – пусть немца упущу, но чтобы своего не расстрелять. Я разворачиваюсь и даю команду Ревуцкому: «Возвращайся».

Мы у просеки встретились, он-то прошел километров двадцать, так как догонял. А там переполох – можно себе представить состояние немцев! Танк гонит колонну! Немцы ничего не успели сделать, мы им не дали. Кто-то успел прыгнуть на сторону – спаслись, а остальных подавили. Вернулись и командир дивизии таким ужином накормил, по стакану водки выпили и самоходки три подошли.

Насколько часто на самоходках стреляли с закрытых позиций?

За всю войну один раз, но несколько дней вели огонь. Полк стоял возле Ковеля, крупного узла шоссейных и железнодорожных дорог, стратегический пункт. Его брали два раза. У нас в литературе уходят от этого: его первый раз освободили в марте 44-го года. Напились, заснули, немцы бросили один батальон и взяли. Там костел в центре города. Вот по нему мы и били с

закрытых огневых позиций. Там у немцев был командно-наблюдательный пункт по нему били и не сбили. Попаданий много было, а он стоит хоть бы что – кладка-то раньше была какая, не то что нынешняя.

Как чаще всего применялись ваши самоходки?

Чаще применялись вместо танков. Противник где-то прорвался – нам приказ – занять оборону и мы останавливаем. А в целом 50 % ходили в атаку вместе с танками. Танки немножко вперед, а мы уничтожали цели, которые мешали им продвигаться. В основном это были противотанковые пушки.

Приходилось ли Вам воевать на танках в городах и как это происходило?

Танки должны были действовать в составе штурмовых групп вместе с пехотой. Артиллерия может подойти, может не подойти – без нее можно. Задача пехоты, чтобы не допустить противотанковые средства, которые из подвалов и окон стреляют. Вот они и мы из пулеметов впереди бьем по тем объектам, где могут находиться истребители танков.

Во время боев в городах закрывали верхние люки?

Да, закрывали всегда. Открытыми их не держали. А вот на поле я всегда с открытым ходил.

Не боялись?

Нет, не то что не боялись, а то, что я лучше обзираю. Прибор прибором, а тут я сразу голову повернул и все вижу. Прибор был хуже, так как он ограничивал каким-то углом – крутить его, а тут...

Пока Вы с фаустпатронщиками не встретились, кто был самым опасным противником?

Наиболее опасны конечно «Пантеры» и «Тигры». Артиллерия менее опасна была, так как я учил механиков-водителей ходить в атаку зигзагами. В училище нас этому не учили. Никто нам это не рассказывал и не показывал. Жить захочешь – начнешь думать как электронная машина, научишься. Наступали на высоту 190,2, где «Тигры», «Пантеры», противотанковая артиллерия – и кому в голову взбрело взять эту высоту. Первую атаку немцы отбили, мы потеряли много танков. Только заправили боеприпасы и во вторую атаку пошли.

Моя батарея уцелела, все пять самоходов. Я начальнику штаба майору Шулико говорю: «Поставьте батарею на левый фланг – там артиллерия. Я ее возьму и обойдем немцев, нанесем удар с фланга и тыла». Он согласился. Я батарею перегнал туда, офицеров собрал:

– Я иду одной самоходкой в атаку, а вы меня поддерживаете с места. Поняли?

– Поняли.

Экипажу говорю:

– Ребята! Семи смертям не бывать, а одной не миновать. Яша, зигзагами пошел!

Яша столько часов практики вождения имел, он самоходку как игрушку водил. И понеслись мы по полю – тридцать два удара я насчитал рикошетных и тридцать третий был метров за 50 до артиллерийских позиций. Все расчеты сбежали, один видимо остался и их снаряд пробил лоб, попал в правый топливный бак и там взорвался. Сам-то бак из стали да жидкость в нем как-то заглушили силу удара, правда, Сергею Мозалевскому несколько осколков попало в мягкое место, а пушки мы подавили.

Какая длина зигзага? Метров 60, 30?

Зигзага-то? О, нет, наверное метров по 20. Только успеет навести немецкий наводчик и увел самоходку.

А немцы такую тактику применяли в наступлении?

Нет. У них взаимодействие было высочайшего класса между родами войск. Сначала разведка авиационная, «рама» «Фокке-Вульф» пролетит, сфотографирует всю оборону, потом самолеты прилетят и начинают бомбить. Отбомбили, потом проводят артподготовку; артподготовку капитальную сделали, потом уже идут танки. А у нас как было, особенно в 41 да и в 42-м году? Надо атаковать, нанести нашим войскам контрудар – бросают корпус. А у немцев в обороне даже танков нет, но пушки стоят наготове – они уже знают, когда и где будет наш контрудар. В конце концов корпус окружают и уничтожают. У нас взаимодействия не было, связи-то не было. У нас в бригаде, скажем, три батальона, где танки разные и радиостанции разные. Командир бригады в результате может управлять только одним батальоном, а не тремя. Вот такая чехарда.

Насколько эффективна была немецкая авиация в борьбе с нашими танками?

Здорово, у них противотанковые бомбы были – авиация наверное половину наших танков сожгла.

Как поддержку нашей авиации танкам оцениваете?

Мы радовались, когда штурмовики Ил-2 пошли штурмовать, это мы очень приветствовали, аплодировали даже. Они хорошо работали, наносили большой урон. На них ведь «катюши» стояли кроме бомб.

В каких случаях стреляли с ходу и стреляли ли вообще с ходу?

Редко так стреляли и результат был плохой. Методика была такая: я даю команду «С ходу огонь», механик видит какая впереди местность, дает команду «Дорожка», а наводчик в это время должен выстрелить. Дорожка – это ровное место, с которого можно стрелять. Цель наводчик выбирает и старается держать ее, а иначе не успеть.

Можете ли рассказать о хитростях, уловках, которые помогали выжить танкисту?

Я считал – немцы дисциплинированный очень, шаблонный народ и какое-то решение нужно принимать абсурдное, чтобы не укладывалось у нормального человека. Вот самый лучший козырь! Маршал Богданов воспользовался этим методом и я попер по кустарникам немцам навстречу, когда мы уничтожили 8 «Тигров». Это единственно правильное было решение. Отступать было нельзя, свои расстреляют за трусость. Не идти на немцев – они тебя сожгут. Так что нужны были нестандартные решения.

Я знаю, что в наставлениях рекомендовалось уклоняться от встречного танкового боя. Вы следовали этой рекомендации?

Нет, не уклонялись, даже понятия такого не было. А немцы уклонялись, они знали где КВ и «тридцатьчетверки» и старались не вступать в бой. У нас пока Сталин в Москве решение принимает, пока командующий его передает, доходит до командира и корпус удар наносит по пустому месту. Немцы ушли из него за сто километров давно.

Как вы можете прокомментировать высказывание, что танки воюют только вдоль дорог?

В принципе-то для быстроты переброски танков дороги нужны. А воевать? Смотря куда и где выбирают исходные позиции. Тут дороги ни при чем. Дороги и дороги. Дороги, как правило, все пристреляны, когда в обороне стоят. По ним даже опасно наступать. Значит, надо по бездорожью.

Расскажите о Вашем отношении к старшим командирам?

Скажу о командовании одного полка, в котором я воевал. Люди воевали, дрались в пекле боя, а они в это время трофеями занимались – командир полка и замполит. И вот из тех двенадцати «Татр», которые мы перехватили в районе Киловки – Котлярки, они оказались в полку. А «Татра» – это вагон целый; они их загрузили коврами, фарфором, часами, ружьями, ну, в общем, ценными трофеями. Эта машина ночью сгорела. Искали-искали, кто поджег, контрразведчика подключили, а не нашли, кто поджег. Проходят годы, мы на одной встрече в ресторане на прощание выпили и Глуховцев Петр Матвеевич говорит: «Поехали ко мне в Ивантеевку»! Поехали – мы такси взяли «Волгу-пикап» и набились там человек восемь наверное. Приехали в Ивантеевку, жена Глуховцева Софья Николаевна стол накрыла, коньяк поставила. Мы выпили, а Василий Георгиевич Поршневу, комбат, пел хорошо и Василий Васильевич Тишкин пел хорошо – они пели! Песни попели, потом еще выпили, а Василий Георгиевич говорит: «Ребята, сядьте, держитесь, чтобы не упасть – я вам сейчас такое расскажу»! И рассказывает: «Я поджег»! Мы часа два хохотали, а что – времени много прошло, чего бояться-то.

А Мельников, командир полка, догадывался, что это он сделал, так он ему мстил все время. Вот как тот два ордена имел, он больше ничего ему не дал, ни медали, ни ордена. И когда форсировали Пилицу в Польше, это речушка-то маленькая. Машина Поршнева первая форсировала & nsh; лед там шел. Так Героя присвоили механику-водителю, а не Поршневу.

Как Вы относились к тому, что у вас в полку, в армии было много женщин?

У нас много не было. Их доля незавидная была. Вот была у нас в полку 1295-м одна девушка, где командиром был Либман, еврей. Он некрасивый, маленький, страшный, тупой еще вдобавок. А машинисткой была Аня Майорова – красавица, я мало таких женщин встречал. Она спустя какое-то время его пребывания в полку пошла с Мишей Зотовым в лес стрелять. Я смотрю они мишень самодельную понесли, я сидел на башне. Немцы обстреливали, настроение плохое было, я письмо родителям писал, не стал даже прятаться. Они прошли, а минут через пятнадцать Аню на носилках несут. Оказывается – Миша первый стрелял, мишень сбил, пошел поправлять и тогда она в себя выстрелила. Ее отправили в медсанбат 156-й дивизии, пулю вырезали из спины. Все думал и – гадал и, почему она это сделала. А Люба у нас была молоденькая, семнадцатилетняя девчушка, она по секрету сказала. Раньше позор был – девушка родила ребенка. Теперь это в порядке вещей. Она говорит: «Не хочу родить еврейка». Она уже почувствовала, что забеременела. Ее в тыл отправили после ранения.

Я промашку сделал. Как-то ездил в Горький еще на профсоюзную конференцию и мы обедали в ресторане. Что-то мне пришло в голову, я посмотрел – буфетчица. Потом, когда уже уехал, вспомнил – это же Аня! Подошел бы поговорить, много бы интересного могла рассказать. Вот такие вот дела у женщин.

Что значит, доля женщин на войне была незавидная?

Не женское дело война. К ним, во-первых, приставали все чиновники. А меняли как? Приехал командующий фронтом в армию, о, машинистка красавица! Он сразу адъютанту приказ, ее переводят туда. Вот так передавали из рук в руки. Это нехорошо конечно было. Но в целом, конечно, женщины большую роль сыграли. Четыре авиационных женских полка были, в танковых войсках десять механиками-водителями были, пять – командирами танков и четыре – командиры подразделений.

Где Вы любили во время марша находиться? Какое место танка выбирали?

Я сидел возле люка механика-водителя как правило. На КВ и на самоходках тоже, чтобы ему показывать.

Он плохо видел?

Нет, он видел хорошо, но надо решение принимать. Покажу вправо и он плавно идет вправо. Во время марша обстановка такая, что надо улизнуть под кроны деревьев, я ему сразу даю команду. Все, видимо, как начинается бомбежка, разбегаются до поры до времени, потому что никому не хочется попадать.

Вы в заправке танка участвовали?

Нет, я следил только. Механик-водитель и заряжающий это делали. А заряжающий считался вторым механиком-водителем.

И в окапывании танка тоже участия не принимали?

Нет, вы что! Все работали – у меня мозоли не сходили с рук. Хорошо, когда мягкий грунт попадется; только успели выкопать окопы – приказ «Вперед». А там на новом месте опять надо рыть. Это тридцать кубометров, да еще каменистый грунт попадет или глинистый, это сверхтяжелая работа. А надо.

Были ли у вас иностранные танки?

Нет. В боях за город Попельня у нас были английские танки, это в Украине. Там были «Валентайны». Это слабые танки: у них броня-то 50 мм., пушка – сорокамиллиметровая, скорость – 25 км/ч. Ну что это за танки! Они были в 71-й мехбригаде. Мы с танкистами не говорили про них, но мы видели, как они горели хорошо и ничего не могли сделать против немецких танков.

Крысов В. С. и Ваулин К. П. 1944 г.

Какие чувства Вы испытывали в боевой обстановке – страх, возбуждение?

Страх я по существу не чувствовал, в экстазе таком был. Соображал как нанести удар, выполнить задачу. А страх это опасное дело, кто боится – тот примет неправильное решение. Я в этом был убежден, поэтому не думал. Опасность была в плен попасть – это хуже чем погибнуть; поэтому надо было драться бескомпромиссно.

Если танк подбили, чтобы его покинуть, он должен загореться?

Да, если он разбит, стрелять из него нельзя, ходить он не может – тогда с опаской покидали, а то могли приписать трусость. Если он не загорелся, может стрелять – он должен стрелять. Немцы покидали, даже когда их танк не загорелся, а только сильно ударило по нему. Мы не покидали.

Как Вы сейчас к этому относитесь?

У нас танки ценили выше, чем людей. Некоторые по своему патриотизму не бросали, оставались, а некоторые из-за боязни. Когда мы с Валерием Королевым разгромили громадную колонну «Татр», то на последней машине самоходка стукнулась о шоссе, двигатель заглох и не заводится. Я ему говорю: «Сядь на место механика-водителя». Я быстро снял моторную перегородку: «Нажми стартер». Он нажал, я посмотрел – топливо бьет из трубки низкого давления от ручного подкачивающего насоса в фильтр тонкой очистки – я обрадовался. Сомкнул обломанные концы, заматал черной изолентой – такие же черные круги, как теперь. Выкачали воздух из системы питания через этот насос НК-1 и завели двигатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.